

© 1996 г., ЭО, № 4

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СИМПОЗИУМ «ШАМАН И ВСЕЛЕННАЯ В КУЛЬТУРАХ НАРОДОВ МИРА»

С 28 по 30 июня 1995 г. в Санкт-Петербурге, в Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН проходил международный симпозиум по теме «Шаман и Вселенная в культурах народов мира», приуроченный к действующей в МАЭ выставке аналогичного названия. Готовил симпозиум организационный комитет (руководитель — Ч. М. Таксами, члены: Е. А. Окладникова, В. П. Дьяконова, В. Р. Арсеньев, В. Н. Кисляков). Его участники смогли ознакомиться с уникальными экспонатами из собраний музеев, представленными на экспозиции. С докладами выступали этнографы, религиоведы, музейные работники, гостями были психологи, психотерапевты, экстрасенсы, миссионеры. На заседаниях было сделано 23 доклада, развернута свободная дискуссия. Число участников составило 120 человек. География представителей научных учреждений охватывала многие города России: Москва, Санкт-Петербург, Горно-Алтайск, Дудинка, Кемерово, Элиста. Страны зарубежья представляли ученые из Германии, Голландии, США, Того.

Открывая симпозиум, его председатель Ч. М. Таксами отметил повышенный интерес исследователей к изучению шаманизма в настоящее время, о чем свидетельствуют новые научные публикации, экспедиции, выставки, симпозиумы. Современный исследователь делает попытки не только познать этот феномен на диахронном и историко-культурном уровнях, но и постичь механизм его репродуктивности на рубеже XXI в. По-прежнему внимание этнографов приковано к личности шамана, семантике и трансформации его атрибутов, культовой практике, концептуальным системам миропонимания. Шаманы активно функционируют в среде своего народа, проводят лечебные сеансы, совершают ритуальные действия.

Симпозиум явился своего рода итогом многолетней работы научного коллектива МАЭ в целом и Отдела этнографии народов Сибири, в частности. Начиная с 20—30-х годов, особенно в последнее десятилетие был издан ряд книг по сибирскому шаманизму, получивших широкий научный резонанс. Уникальные полевые этнографические материалы, иллюстративные, архивные, коллекционные источники, введенные в научный оборот, значительно расширили объем научных знаний об этой стороне культурного наследия народов мира.

Ч. М. Таксами обратил внимание на создание в последнее время у ряда народов Сибири ассоциаций (обществ) шаманов. Эти ассоциации имеют юридический статус, устав (права, во главе их, не везде стояли шаманы). Общества шаманов не являются преемниками прежних традиционных институтов, особенно института избранничества; наблюдаются инновации в культовых действиях. Этнографам необходимо изучить вновь создающиеся сообщества, подробно исследовать суть трансформаций в шаманстве, включая и современное состояние шаманской идеологии, и структуры ее организации.

Большое внимание участников симпозиума привлек доклад Е. А. Окладниковой (С.-Петербург) «Истоки шаманских представлений. По материалам наскального искусства». На примере памятников наскального искусства, а также данных этнографии и археологии докладчик показывает, что шаманизм как архаическая религиозная система возник в глубокой древности, в эпоху неолита. При этом шаманизм впитал в себя многие достижения интеллектуальной деятельности человека каменного века и сохранил их почти в нетронутом виде. В частности, наследием каменного века является образ человека-зверя. Соединение в одном образе черт различных животных приводит к мысли, что ритуальный костюм участников палеолитических мистерий не был одновременно и охотничьим маскировочным одеянием, а представлял собой самостоятельное явление, впоследствии напрямую связанное с шаманским костюмом. Памятники палеолитического искусства свидетельствуют, что наравне с образом зверя в сознании той эпохи господствовал образ женщины. Космогонические мифы и шаманские легенды аборигенов Сибири о происхождении мироздания и шаманской практики дают сведения о древнем пласте практики женского шаманства, возможно, предшествовавшего появлению шаманов-мужчин.

Функцией шаманов было посредничество между миром людей и силами природы, миром зверей. Это посредничество выражалось в поддержании баланса сил во Вселенной в процессе камлания — общения с силами космоса. Успеху посредничества способствовало наличие развитой системы эзотерических знаний, в основе которых лежала одна из основных категорий архаической культуры — модель многоуровневой Вселенной. Картина мира шаманской традиции аккумулировала весь комплекс представлений о мире, окружавшем человека древности. Сохранила она и те измерения, которые произошли с течением времени.

Директор Горно-Алтайского научно-исследовательского института истории, языка и литературы Я. А. Пустогачев (Горно-Алтайск) в докладе «Алтайский шаманизм как религия» на обширном историческом, этногенетическом материале охарактеризовал особенности конфессий алтайского этноса. Докладчик подчеркнул, что на Алтае, наряду с традиционными верованиями и шаманизмом, распространены такие мировые религии, как буддизм, христианство и ислам. Их распространение обусловлено определенными историческими причинами. Докладчик поддержал взгляды Л. П. Потапова о сущности алтайского шаманизма, указав, что шаманизм на Алтае сложился естественно-историческим путем на бесписьменной основе, в рамках древнего дуалистического мировоззрения, в основе которого лежала идея олицетворения и почитания окружающей природы. В то же время и ныне алтайский шаманизм изучен еще недостаточно. Не исследована до сих пор духовная культура тубаларов, челканцев. В теоретическом плане не выявлены соотношения различных форм религии и этапы их эволюции.

Проблеме происхождения, генезиса, современного состояния шаманского культа у тувинцев был посвящен доклад С. И. Вайнштейна и Н. П. Москаленко (Москва) «Основные проблемы тувинского шаманства: происхождение, генезис, лечебные функции, современный ренессанс». Основные положения доклада таковы: 1. В тувинском шаманстве сохраняется значительный субстратный дотюркский историко-генетический слой, во многом определивший специфику тувинского шаманства. Особенно четко этот слой прослеживается в восточнотувинском (тоджинском) типе, в культовой атрибутике которого имеются прямые параллели с южносибирским шаманством эпохи бронзы (петроглифы с изображениями шамана в бухте Ая в Прибайкалье). В культовой атрибутике западнотувинского шаманства выявлены связи с местными культами эпохи камня (в частности, рогатые головные уборы и их архетипы в наскальных изображениях западной Тувы). В целом генезис тувинского шаманства протекал на базе дотюркских форм, испытывавших существенное влияние еще в I тыс. н. э. древнетюркской культуры и поздних форм северного буддизма. 2. Шаманами становились люди со специфическими невротическими реакциями преимущественно наследственного происхождения, проявление которых выявлялось в так называемой шаманской болезни. 3. Лечебное воздействие шаманов на больных было основано главным образом на психотерапевтическом эффекте камланий, позволявших нередко добиваться весьма успешного излечения некоторых заболеваний. 4. В современных условиях возрождения тувинской национальной культуры традиции шаманства, ранее распространенные в тувинской среде, а позднее в значительной степени утраченные, в последние годы вновь восстанавливаются, что в определенной мере позволяет говорить о ренессансе шаманства в тувинских народных верованиях.

О принципах создания выставки «Шаман и Вселенная» в Петербургской Кулсткамере рассказала Л. Р. Павлинская (С.-Петербург) — один из авторов экспозиции. Она подчеркнула важность раскрытия концепции становления и развития шаманского костюма, системы духов-помощников, культовых предметов для различных шаманских функций, представленных на выставке уникальными предметами из собраний МАЭ. В экспозиции на основе подлинных экспонатов воссозданы многоуровневая Вселенная, Мировое шаманское дерево, камлание эвенкийского шамана в священном чуме.

В докладе Е. А. Алексеенко (С.-Петербург) «„Земля“ и „земное“ в мифологической традиции кетов» отмечалось, что кетский мифологический материал — поздний по времени фиксации; в нем представлены лишь фрагменты уже утраченного мифа (мифов) или его различные трансформации: сказки, бытовые представления, элемент обряда, поведенческий норматив и др.

Удостовериться в адекватности реконструируемого образа или мотива позволяет лексика: ее прямая семантика, характер грамматического использования. Лексические данные, относящиеся к понятиям «земля» (*бан*) и «земное», проанализированы в докладе Н. М. Гршиной (С.-Петербург). Особенно был рассмотрен образ: Земля — исходная субстанция, порождающее начало (Земля-Породительница). В существующих работах по кетской мифологии Земля как самостоятельный объект обычно не представлена, хотя многозначность, полифункциональность и синкретичность образа позволяют здесь видеть базисный архетип.

Категория пространства с ее полисемантическим значением имеет важное концептуальное зна-

чение для кочевнических культур народов Сибири. С. Н. Соломатина (С.-Петербург) в докладе «Пространство и шаман в мифологии народов Саяно-Алтая» обратилась к этой проблеме, показав на обширном материале культур кочевников, что для анализа конкретных проявлений кочевнических традиций «корневая» концепция пространства, предполагающая единый центр, оказывается непродуктивной. Внутреннее пространство жилища, рассеченное на многие локативы, вбирает в себя и фиксирует определенной точкой человека в любой предписанной ему социальной и производственной роли; в конкретном действии периферийные точки оказываются центром. Охотник, повитуха, мать и т. д. как бы сливаются с соответствующей их деятельности сферой. Под сомнение поставлена возможность уже традиционного для нашей этнографии буквального разделения юрты — модели мира — на женскую и мужскую половины. В устройстве «женской» стороны, размещении обитателей последовательно воссоздается образец, отсылающий нас к мифологеме производящего мужского и женского начал.

«Женщины-шаманки и общество у народов Саяно-Алтая» — тема доклада В. П. Дьяконовой (С.-Петербург). Вопрос о статусе женщин-шаманок в социальной иерархии традиционных обществ тюркоязычных народов Саяно-Алтая остается неизученным. Возможно, при рассмотрении этого вопроса следует вернуться к истории изучения гевезиса женского шаманства вообще. Применительно к шаманкам у народов Саяно-Алтая особое внимание стоит обратить не только на их деятельность, связанную с камланием в нижний и средние миры, но особенно на предназначение их в сфере предсказаний, гаданий, ворожбы, ибо здесь они владели особыми приемами, отличными от мужских. У чукчей, как отмечал В. Богораз, женщины-шаманки достигали высокой степени шаманского искусства почти во всех проявлениях, за исключением чревоушения, которое считалось для них недостижимым.

Н. В. Ермолова (С.-Петербург) в докладе «Игра в шаманство у эвенков» подошла к рассмотрению детской игры с точки зрения ее тесного соприкосновения с настоящей шаманской практикой. Основные функции игры заключались в постепенном включении детей в обрядовую жизнь коллектива и были направлены на психологическую подготовку будущего шамана. Доклад основан прежде всего на эвенкийском материале (описание было сделано Г. Н. Василевич, наблюдавшей игру в 1924 г. у подкаменнотунгусских эвенков), но привлечение других данных по народам Сибири позволило Н. В. Ермоловой прийти к более общим выводам о том, что детская игра, являясь отражением взрослого шаманского обряда, в то же время выступает своего рода реликтом детского шаманства, т. е. выполнения шаманских функций детьми.

Ю. А. Купина (С.-Петербург) в докладе «Эмоция и мировоззрение народов Сибири» затронула малоизученную в этнографии тему, рассмотрев на обширном материале представления об эмоциональных состояниях, их выражение через мифологическую анатомию и физиологию человека. Народы севера Сибири наделяли эмоциональными характеристиками и другие живые существа и объекты окружающего мира. Эмоциональное измерение было присуще и традиционной модели мира народов севера Сибири.

Тема доклада Т. Ю. Сем (С.-Петербург) называлась «Пространственная семантика шаманской одежды народов Сибири». Автором выделены 4 группы: космическая, природная, анатомическая и военно-защитная.

В. П. Курялев (С.-Петербург) в докладе «Некоторые скифо-сарматские элементы в шаманстве народов Средней Азии и Казахстана» рассмотрел ряд предметов (зеркала, чаши с водой и кровью жертвенного животного, свечильник, веточки и деревянные палочки), которые широко употреблялись в шаманстве Средней Азии и, судя по материалам письменных источников и археологических данных, были ритуальными предметами в скифо-сарматской среде. Докладчик провел параллель между женоподобными мужчинами-прорицателями у скифов и переодетыми в женское платье мужчинами-шаманами в Средней Азии. Он обосновал заключение, что шаманство Средней Азии и Казахстана представляет собой многовековой синтез двух культур: иранской (в том числе скифо-сарматской) и тюркской.

Известно, что колдовство (наряду с волшебством, чародейством и т. д.) является термином с широким, далеко не всегда отчетливым содержанием. Доклад А. И. Терюкова (С.-Петербург) «Колдун у коми — шаман?» является попыткой ответить на этот трудный вопрос, отражающий особенности религиозных верований коми-зырян. Докладчик представил большой этнографический материал о развитой в прошлом колдовской практике в традиционной культуре коми-зырян. По его мнению, ряд функций колдуна совпадает с функциями шамана, однако в целом колдун шаманом не является, ибо в основе этих его ритуальных действий лежат иные представления о мире, о душе и т. д.

Такие регионы, как Западная Африка, Непал, юг Аравии, Северная Америка, Шри Ланка, были

представлены докладами исследователей, опирающихся в основном на свои собственные этнографические материалы, наблюдения, участие в обрядах.

В докладе М. А. Родионова (С.-Петербург): «Люди и духи: полевые материалы и характеристика современного состояния религиозных верований арабов Южного Йемена» рассматриваются некоторые категории специалистов, осуществляющих контакты людей с миром духов. В наше время на юге Аравии не существует профессиональных посредников между миром людей и миром духов, как в доисламскую эпоху, когда эту функцию выполняли жрецы-кахины, прорицатели-аррафы и поэты-шаиры. Однако и сейчас имеются люди, называемые «асхаб ал-асвал» («обладатели голосов»), которых традиция считает связанными с миром джиннов, гулей и т. п. Некоторые из них (например, Хусайн Бин Бу Бакр) были информаторами докладчика в течение более чем 10 лет. Им приписывается способность заставлять духов служить себе, открывать скрытое, переносить известия и предметы по воздуху и т. д. «Обладатели голосов» периодически общаются между собой и сравнивают силу друг друга.

В. Р. Арсеньев (С.-Петербург) в докладе «Охотник бамбара: человек на стыке миров», обосновал вывод, что шаманизм как культурный феномен представляет интерес и сам по себе, и как важный элемент — форма дошедших до нас проявлений архаического сознания, к характерным проявлениям которого относятся: а) главенство чувствоземного над осмысленным; б) слияние/единоцелостность с Природой; в) самоограничение в потреблении; г) «возвратная деятельность» по отношению к Природе. Все это может быть обозначено как «первичный природообмен», резко отличный от парадигмы «индустриального общества». Подобно сибирскому шаману, охотники бамбара (Западная Африка) — люди в «пороговой ситуации», люди на грани миров: мира людей (со все нарастающими чертами цивилизации) и мира Природы. Не исключено, что в обоих случаях речь идет о «вторичной архаизации», об «удержании» архаики «сверхволевым» усилием культуры — откуда и невротизация поведения тех, в чьи общественные функции это входит: «невротизация» шаманов предельно активизирует деятельность правого полушария головного мозга, чья лидирующая роль выступает типичной для архаического сознания.

Свой доклад «Такоое шаманство: о форме и содержания обрядов демонического культа сингалов» Н. Г. Краснодембская (С.-Петербург) построила в основном на полевых материалах, полученных при личном участии в ряде культовых церемоний. Демонический культ был охарактеризован как своеобразный вид шаманской практики, бытующий и теперь в обществе, где в целом доминирует буддийское (хиваяна) мировоззрение. По-видимому, основной целью подобной практики является гармонизация психики (или психофизики) как индивида, так и конкретного малого социума. Функции жрецов и приемы их воздействия на реципиента, включая экстаз, типологически сходны с «классическими» шаманскими. Специфическая же идеология шаманства в данном случае инкорпорирована общей и главной для данного этноса идеологией — буддийской.

Доклад В. Н. Мазуриной (С.-Петербург): «Уникальный экспонат из собрания ГМИР (к символке бубна непальского шамана)» сопровождался демонстрацией самого бубна и набора культовых атрибутов, привезенных исследовательницей из Непала. Бубен принадлежал шаману одной из этнических групп, населяющих Восточный Непал. В индуистском королевстве Непал до настоящего времени еще сохраняются племенные верования. Джанкри (шаманы) известны во всем Непале. Бубен двусторонний, деревянная обечайка его наглухо обтянута кожей животного. На обеих сторонах нанесены изображения: на одной — трезубцы, лотос, на другой — концентрические круги. Вероятно, именно эта сторона была «рабочей». На это указывает сильное загрязнение, а также расположение рукояти. На ручке бубна видны изображения 4 ликов (духи?), а также геометрический и растительный орнаменты. Рукоять имеет трехгранную форму. По всей ее поверхности нанесены изображения птиц, змей. Форма рукояти соответствует форме лурбу — ритуального кинжала, который используется для изгнания зла.

Г. И. Дзенiskeвич (С.-Петербург) в докладе «Шаман-психотерапевт» отметила, что в лекарской практике шаманы использовали многовековой опыт целительства, включающий психологическое воздействие на больного. Методы и техника шамана-психотерапевта сходны с теми, которыми пользуются современные врачи-психотерапевты. Внушая пациенту веру в выздоровление и желание скорее выздороветь, шаман помогал ему мобилизовать все потенциальные возможности организма и избавиться от недуга.

В докладе А. П. Щетько (С.-Петербург) «Шаман-фитотерапевт» акцентируется внимание на роли шамана в сохранении и передаче преемникам знаний о траволечении. Из практики шаманов индейцев Центральных и Северных равнин (Северной Америки) приводятся примеры изготовления лекарств из растений, издавна используемых в традиционной медицине, а также условий сбора этих растений.

Композитор С. Н. Кибирова (С.-Петербург) представила оригинальный историко-культур-

ный материал в докладе «Музыка и музыкальные инструменты в шаманстве уйгуров». С древнейших времен до наших дней в шаманском ритуале уйгуров музыка имела важное сакральное значение. Изучение исторических источников, памятников изобразительного искусства (росписи Турфанского оазиса и др.) позволяет определить изображения служителей культов (шаман-брахман и др.), а также типы ударных и аэрофонических инструментов. Шаманские церемонии с древнейших времен включали в себя музыку и танцы, что отразилось в названии сеанса *пери-оюн* (оюн — с уйгурского — игра, забава, развлечение).

В докладе Т. А. Поповой (С.-Петербург): «Культы древнего Заонежья (по материалам Оленеостровского могильника)» этот уникальный памятник эпохи мезолита рассматривается с точки зрения новой интерпретации некоторых предметов. Оленеостровский могильник, изученный под руководством В. И. Равдоникаса в 1936—1938 годах, открыл для науки необычные погребальные комплексы, богатейший инвентарь, а главное — удивительные по содержанию памятники первобытного искусства. Хотя памятник давно получил мировую известность, найденные в нем вещи тают в себе много нераспознанного. Так, обращение к известному костяному изображению змея в сочетании с антропоморфной личиной (погребение № 23) позволило увидеть еще один образ — изображение лося. Новое исследование изображений на костяном предмете позволило выявить присутствие на нем афидио-антропо-зооморфного сюжета, который прежде не фиксировался исследователями. Новые данные служат дополнением источникам сведений о духовной жизни древних оленеостровцев.

Завершилась работа обсуждением докладов. В обсуждении выступили более 10 человек — Э. Таубе, Е. А. Алексеенко, В. П. Дьяконова, Я. А. Пустогачев, Ч. М. Таксами, А. М. Решетов, Л. Р. Павлинская, Г. И. Дзенискевич, Роджерс и др.

По результатам симпозиума было принято решение. Э. Таубе (Лейпциг) дала высокую оценку выставке «Шаман и Вселенная». По ее мнению, представленные на ней редкие экспонаты необходимо издать специальным каталогом, чтобы ввести их в научный оборот. В отношении действующих ассоциаций шаманов в Якутии, Туве следует быть крайне внимательным, конструктивно относиться к их оценкам и работе. Следует принять решение о новом симпозиуме «Миф, религиозное мировоззрение, обрядовая жизнь».

Я. А. Пустогачев (Горно-Алтайск) отметил, что собранные в МАЭ коллекции по традиционным культурам народов России являются заслугой наших отечественных ученых. Коллекции необходимо издавать, особенно алтайские. Представленные на симпозиуме доклады и выставки важны для изучения шаманства в традиционных культурах.

Л. Г. Блюдова (Дудинка) коснулась в своем выступлении современного состояния шаманских традиций на Таймыре. В Таймырском окружном музее не так давно была сделана выставка по шаманизму, названная «Мир детства». Ассоциация шаманов на Таймыре нет, хотя попытки ее создания были. Сейчас существует фольклорная группа «Нгамтусо», она исполняет многие ритуальные сцены в традиционных и шаманских костюмах. В музее сейчас находится костюм нганасанского шамана Тубяку, который он передал после смерти своей жены, сказав при этом: «Духи меня покинули». Тубяку — один из сыновей знаменитого шамана Дюхадэ Костеркина; он обучил шаманству своего внука, который обладает сейчас нужными знаниями, но не шаманит. Внуку часто бывает в музее, надевает костюм, но только в присутствии своей жены. Костюму деда он рассказывает все события, а когда «приходит» Дюхадэ, он «кормит» костюм едой, ставит перед ним водку. На Таймыре многие женщины занимаются шаманством, но утаивают это от других. Так, после смерти одной женщины ее муж передал в музей 150 предметов культа.

Ч. М. Таксами согласился с общим мнением участников о важности проведения подобных совещаний регулярно через 2—3 года. Он отметил, что в выступлениях были затронуты различные аспекты шаманизма. Очевидно, что экологию шаманской культуры и впредь будет изучать не просто. Важно объединить усилия этнографов, религиоведов, других специалистов в России и за рубежом в изучении региональных особенностей шаманизма, новейших путей его проявления, бытования. Ренессанс шаманизма выдвигает на первый план проблему судьбы шамана в современной жизни, необходимость понимать, кто есть нынче истинный шаман и кто — «артист». Необходимо опубликовать доклады симпозиума.

От имени участников симпозиума были посланы поздравления и пожелания здоровья, творческих успехов Л. П. Потапову в связи с 90-летием, а также писателю, поэту, ученому республики Тува М. Б. Кенин-Ловсану по поводу его 70-летия.